

Круглый стол «Зеленые» инвестиции: инструкция по применению»
состоялся 22 апреля 2017 г., в г. Красноярске на площадке МВДЦ «Сибирь»
конференц-зал №7, инициатором и организатором выступил НИФИ
Минфина России (совместно с Правительством Красноярского края и
Всемирным фондом дикой природы)

Модератор – Людмила Кабир.

Доброе утро! Уважаемые коллеги, друзья! Вижу, что уже собрались все эксперты, все участники нашей дискуссии. Предлагаю начать работу.

Наша сессия достаточно уникальна. Фактически впервые, здесь за круглым столом удалось собрать различных участников процесса, которые вовлечены в «зеленое» инвестирование: это представители бизнеса, институтов развития, Банка России, науки, представители государственной власти, и я лично выражаю огромную благодарность уважаемым экспертам за их решение принять участие.

Хочу поблагодарить и всех слушателей, присутствующих сейчас в зале за проявленный интерес к нашему мероприятию. Прошу всех, в случае появления вопросов или предложений в ходе дискуссии экспертов, в письменном виде передавать их нашим помощникам. Мы заложили 10 минут в регламент именно на обсуждение ваших вопросов и подведение итогов.

Также обращаю внимание на то, что вы сможете ознакомиться с материалами нашей сессии на сайте Научно-исследовательского финансового института Минфина России. Здесь вы можете задать вопрос и получить обратную связь, а также в случае если мы исчерпаем лимит времени, прежде чем ответим на все вопросы, то можно будет увидеть ответы.

Хотела бы сказать несколько слов об алгоритме работы. Мы находимся в жестких временных рамках, что вынуждает меня к жестким правилам модерирования, и этот вопрос мы со всеми экспертами проговорили. У меня предложение быть действительно на экспертной волне, действительно обсуждать те вопросы, которые вынесены в повестку нашей сессии, и по возможности предлагать решение. В этом случае я надеюсь, что наша сессия может оказаться полезной, поскольку мы сможем предложить направление решения проблемы, сможем предложить некоторые инструменты и вообще определить дальнейшее направление дискуссии по той проблеме, которую мы сегодня разрабатываем.

Структурно наша сессия разделена на три блока. Первый блок – это выбор вариантов мер развития «зеленого» инвестирования. В этом блоке нам бы хотелось рассмотреть возможные комбинации, возможные сочетания интересов всех участников этого процесса. Конечно же, в этом блоке нас интересуют мнения институтов развития, их взгляд на свою роль и распределение взаимоотношений в этом процессе. Второй блок – это

обсуждение имеющихся успехов и проблем. Он призван раскрыть позицию бизнеса и решения, которые уже сейчас видятся бизнесу. Третий блок – это среда «зеленого» финансирования. Он призван раскрыть роль государства в этом процессе. Здесь хотелось бы услышать позицию наших государственныхников.

Дискуссию я хотела бы начать с небольшой презентации. Её цель – обрисовать те вопросы, которые мы в ходе дискуссии должны обсудить в рамках наших тематических блоков. Далее – предложить уважаемым экспертам высказать свое мнение. На мой взгляд, подобный алгоритм должен помочь нам вести дискуссию, разговаривать.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ

В качестве эпиграфа к нашей дискуссии я выбрала следующее высказывание В.В.Путина, прозвучавшее на заседании Государственного совета по вопросу «Об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений» (27.12.2016): *«В нашей сегодняшней повестке – задачи поэтапного перехода России к модели устойчивого развития, и не просто к модели устойчивого развития, а экологически устойчивого развития. Я хочу это подчеркнуть, мы говорим о развитии экономики страны, но с упором на решение экологических проблем.*

Вопрос исключительно важный для повышения эффективности прежде всего всей национальной экономики, с одной стороны, и в то же время для улучшения качества жизни наших людей, для раскрытия потенциала наших регионов – с другой».

Мы, Научно-исследовательский институт Минфина России, не могли не откликнуться на такой призыв и в тесном диалоге с Департаментом международных финансовых отношений Минфина России подготовили записку, отражающую состояние отношений в сфере финансирования «зеленой» экономики, где проведены некоторые параллели с международным опытом.

Здесь следует сделать 2 уточнения:

1) мы не говорим о сегменте, который включает рынок производных финансовых инструментов и торговлю квотами на выбросы парниковых газов. Мы говорим о реальном секторе экономики, для которого «зеленые» инвестиции – это инвестиции в модернизацию, благодаря которой только и возможно достичь *экологически устойчивого развития* нашей страны. И суть этой экологической модернизации для государства – сделать так, чтобы весь существующий бизнес стал массово переходить на ресурсоэффективные и экономные, и дружественные к окружающей среде технологии производства, а вновь создаваемый бизнес изначально проектировался на основе таких технологий и производств.

2) просим с пониманием отнестись к тем трудностям, с которыми мы столкнулись в процессе выбора индикатора измерения «зеленых» инвестиций. Кратко: ни одна страна, включая Россию, не осуществляет подобного наблюдения. Более того, само понятие «зеленые» инвестиции (и весь спектр понятий из этого ряда) – все еще в процессе уточнения. Есть международные институты, которые консолидируют информацию, но здесь также наблюдается многообразие подходов к определению объекта учета.

В итоге мы остановились на базах статистических данных ОЭСР и национальных статистических ведомств. Для тех, кому это интересно и необходима более подробная информация о базах данных, технологиях пересчета для приведения к сопоставимости, у меня есть отдельный слайд, можно потом подойти.

Мы сошлись на том мнении, что все-таки показатель *«инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов»* может быть использован для общей характеристики состояния дел в этой сфере.

Итак, очень кратко о состоянии процесса «зеленого» инвестирования в России, проводя сравнение с некоторыми странами, нашими партнерами по «Группе двадцати».

Рисунок на слайде наглядно представляет этот процесс за последние 14 лет. Динамика положительная, приоритетность «зеленых» инвестиций была сохранена даже в кризисные годы (2008-2009 гг.), вследствие чего их объем не претерпел существенных сокращений, а в ряде государств (Южная Корея, Мексика), наоборот, возрос.

В рассматриваемой группе стран выделяются лидеры (Южная Корея, Германия, Франция, Италия), объем «зеленых» инвестиций у которых к 2011 г. достиг диапазона 10 – 14 млрд долларов США. Особенно следует отметить Мексику, «зеленые» инвестиции которой в 2008-2009 гг. увеличились более чем в два раза, практически приблизившись в 2011 г. к уровню 10 млрд долларов США. Среди рассматриваемых 7 стран «Большой двадцатки» Россия занимает среднее положение по объему «зеленых» инвестиций, достигая в последние годы уровня в 6 млрд долларов США.

Но ситуация меняется, если мы посмотрим на долю, которую составляют «зеленые» инвестиции в общем объеме инвестиций в основной капитал (см. следующий слайд). С 2000 г. наблюдается неуклонное снижение доли «зеленых» инвестиций, в результате сегодня она составляет менее 1% от инвестиций в основной капитал.

Обрабатывающие производства (см. слайд) являются основным реципиентом инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов.

Интерес представляет структура «зеленых» инвестиций в этот ВЭД¹ (см. следующий слайд). Страны существенно различаются по приоритетам «зеленого» инвестирования в обрабатывающие производства.

Прокомментирую только один элемент диаграммы, поскольку хочу привлечь ваше внимание именно к нему, – самый верхний сегмент, закрашенный в интенсивно зеленый цвет, именуемый «прочие». Все страны, кроме России, демонстрируют существенную его долю. Вскользь отмечая различие подходов к детализации данных, применяемой разными странами, что и заставило нас сформировать такую аналитическую группу, обратим внимание на то, какие виды, относящиеся к обрабатывающим производствам, сюда вошли: производство компьютеров, электронных и оптических изделий; производство резиновых и пластмассовых изделий; производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях; ремонт и монтаж машин и оборудования; производство мебели и другие. На основе этого факта также можно уже делать некоторые выводы.

Теперь о том, как распределяются «зеленые» инвестиции внутри страны. Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, размещены по территории России крайне неравномерно. Также регионы существенно различаются как по объему «зеленых» инвестиций, так и по доле «зеленых» инвестиций в общем объеме инвестиций в основной капитал (см. картодиаграмму на слайде).

Можно выделить группы регионов, как лидирующие по объему «зеленых» инвестиций, так и отстающие, причем разрыв между лидерами и отстающими существенен. Если на долю десяти лидеров приходится в среднем около 25% всех «зеленых» инвестиций, то на долю «десятки» отстающих – около 1%. Но спецификой «лидерства» является тот факт, что даже у наиболее успешных регионов этот показатель едва превышает 3% от общего объема инвестиций в основной капитал. Одновременно для «отстающих» этот показатель ничтожно мал, так как составляет десятые доли процента.

В целом темпы прироста «зеленых» инвестиций оказались гораздо ниже темпов прироста общего объема инвестиций в основной капитал. Эта ситуация также иллюстрируется на картодиаграмме.

И последний слайд. Понятно, что модернизационные рывки не осуществляются силами отдельного субъекта. Для достижения результата необходима консолидация общества и объединение сил как государства, так и бизнеса. Открытым остается вопрос (и каждая страна здесь ищет свой путь) о

¹ ВЭД – вид экономической деятельности

том, как должны сочетаться усилия всех на благо общего дела. Здесь мы должны принимать во внимание эволюцию взглядов на роль «зеленого» инвестирования и, соответственно, подходов к финансированию «зеленой» экономики, которая произошла за время формирования и развития идеи «зеленого» экономического роста. Если в начале «зеленые» инвестиции рассматривались как общая экономическая целесообразность инвестирования в предотвращение загрязнения окружающей среды и их финансирование предполагалось осуществлять преимущественно за счет многосторонних финансовых учреждений (включение экологических проблем в стратегии и программы), то сегодня общепризнанной является позиция, согласно которой каждая страна должна разработать собственную стратегию финансирования устойчивого развития, причем эта стратегия должна учитывать все источники финансовых средств (государственные и частные, внутренние и международные), а задача общества – мобилизовать и значительно увеличить уже существующие источники, в том числе за счет активного вовлечения нетрадиционных источников финансирования.

Это только малая часть работы, которую НИФИ провел. Не думаю, что данная статистика – открытие для тех, кто работает в этой теме. Нельзя также, опираясь на эти данные сказать, что нет прогресса в России (он есть, и об этом уважаемые эксперты дальше скажут). Но для того чтобы двигаться вперед, надо понять, почему у нас пока не получается осуществить переход *«не просто к модели устойчивого развития, а экологически устойчивого развития»*, важно выявить наиболее серьезные барьеры, блокирующие инициативы российских компаний по переводу уже существующего бизнеса на новые природоохранные и ресурсосберегающие технологии, а также блокирующие создание новых производств, изначально выстраиваемых по этим технологиям.

Теперь предлагаю перейти к обсуждению вопросов первого тематического блока. Первый вопрос у меня будет к Сергею Павловичу Семенцову. Вы во «Внешэкономбанке» долго занимались вопросами аналитического обеспечения устойчивого и институционального развития, в том числе вопросами финансирования проектов в области устойчивого развития, к которым относятся «зеленые» инвестиционные проекты. Удовлетворяет ли Вас, как эксперта, роль институтов развития в России в области «зеленого» инвестирования? Как вы видите эту роль в дальнейшем? Спасибо.

Сергей Семенцов: Спасибо, Людмила Сергеевна. Сначала, наверное, ответ на этот вопрос. Конечно, мы можем и должны сделать больше, как любой институт развития. Я думаю, это естественное желание любого профессионального человека, который занимается своим делом, он видит

перспективу, он понимает, что может сделать больше. На самом деле, тема, обозначенная мне первоначально Людмилой Сергеевной, имела следующую формулировку «О развилке «зеленого» финансирования». Честно говоря, сначала хотелось бы поговорить немножко о развитии.

Вопрос первый, развилка первая: «зеленая» экономика – это что?

Я столкнулся с тем, что понимание у всех людей совершенно разное, начиная с того, что приходишь к новому человеку в том же Институте развития и говоришь, что проекты устойчивого развития нужны, он говорит: «Нет, мы стрижкой газонов не занимаемся. Этим пусть другие занимаются». Этого понимания сейчас нет, хотя задачи поставлены. Неплохо бы, чтобы оно было, потому что как только ты понимаешь, что ты делаешь, легче это сделать.

Следующий вопрос, связанный с этим: зачем мы это делаем? У Людмилы Сергеевны прозвучало словосочетание «модернизационный рывок». Очень хорошо. Мы это делаем для чего? Для того, чтобы наша природа была чище, для того, чтобы модернизировать экономику, для чего-то еще, чтобы перейти на новый уровень. От этого тоже зависит ответ на этот вопрос. Вроде бы, интуитивно понятно, для чего мы делаем. Неплохо было бы опять же об этом договориться и сформулировать общее представление. По моему представлению, оно пока разное: разное у Минприроды, разное у людей в бизнесе, разное у нас. Отличается наше представление от того, что делается за рубежом, и нужно решить для себя, зачем я этот поворот осуществляю. Отсюда дальше сразу же: а чем я его меряю?

Опять же, вопрос про институты развития. Когда смотришь на немцев, KfW² – уважаемый институт, огромный, давно работающий, работающий в «зеленом» направлении. Чем он отчитывается? Он отчитывается деньгами, которые он вложил, и результатом, а результат у него – сокращение CO₂. Все. Этого нам хватает? Это единственный индикатор, который мы хотим смотреть, или нет? Для них то, что по отчетам идет, он главный. Он наш индикатор или нет? Это тоже такая развилка – на что пойдут эти деньги.

Следующее. Если мы переходим к новой экономике устойчивого развития, экологического развития, «зеленой», опять же понятно, что для этого нужны ресурсы и финансовая инфраструктура. Есть два варианта. Мы используем то, что есть сейчас. Сейчас нет специфической инфраструктуры «зеленых финансов», а как только что нам было показано, инвестиции в эти направления идут. Нужно что-то специфическое или не нужно? Ответ на эту развилку, вроде бы, понятен: да, лучше иметь специфическое, но жизнь показала, что мы делаем что-то без этого.

² Kreditanstalt für Wiederaufbau (нем., сокр. KfW) – государственный банк в ФРГ, выполняющий роль института развития

Следующий вопрос: мы создаем эту систему цельной, как систему «зеленого» финансирования, перехода на эту самую экономику, или идем потихонечку от инструмента к инструменту? Весь мир в основном шел вторым путем, то есть сначала создавались какие-то «зеленые» фонды, потом в 2012 году появились зеленые облигации. Единственная страна, которая сделала все, продумав от начала до конца, это Китай. Они долго посидели, посмотрели, как мир работает, и в соответствии с решениями ЦК Компартии Китая выстроили систему «зеленого» финансирования, и за один год стали лидерами в выпуске и «зеленых» облигаций, и всего остального.

Как нам идти: поэтапно или делать систему в целом? Этот вопрос тоже совершенно не пустой. Гораздо проще начать с каких-то «зеленых» фондов, где-то реализовывать выпуск «зеленых» облигаций, чего-то еще, нащупывая, либо делать что-то цельное, либо и то, и то, и в пилотном режиме отрабатывать вот эти вот самые эффекты.

Следующий вопрос: откуда брать деньги для этих самых «зеленых» инвестиций? Пока они идут ровно из тех же источников, что все остальные инвестиции. Вопрос: нам этого хватает либо мы смотрим на что-то другое, мы начинаем перераспределять эти деньги? Вопрос о том же самом углеродном налоге, вопрос о различных сборах, штрафах за загрязнение, за несоответствие технологий и так далее. Разные страны решают это по-разному. Для нас пока ответ такой, что да, мы обходимся тем, что есть. Мы сознательно идем на этот вариант, понимая все ограничения его и все выгоды, или нет?

Следующее. Какая информация нам нужна для того, чтобы осуществлять переход к «зеленой» экономике? Вчера был разговор об этом, сегодня будет разговор об этом. Могу сказать, что это проблема всего мира. Я участвую в работе той же самой «двадцатки» – рабочей группы по «зеленому» финансированию, и вот полгода идет разговор, что же выдавать, какая должна быть всеобщая доступная база экологических данных. Дискуссии идут достаточно напряженные, и, вроде, понятно, что надо раскрываться, но идет все это осторожно и непросто. Как только тебя посчитали, тебя контролируют – это тоже всем понятно. План есть контроль.

Следующая развилка уже по инструментам. Известный красивый инструмент – «зеленые» облигации. Что это сейчас такое в мире? Это обычные корпоративные бонды, которые «окрашены», которые идут на «зеленые» проекты. Все. Никаких преимуществ больше под них нет. Есть только то, что ты получаешь доступ к источникам денег, которые обычно не получишь, но не более того. На тех же условиях. Это те же самые компании, те же самые банки развития, которые эти деньги поднимают и направляют на «зеленые» проекты. Мы сознательно будем идти по этому пути тоже, понимая, что здесь никаких преимуществ у эмитента «зеленых» облигаций не будет? Мы также будем

делать или мы вводим некие другие добавочные стимулы, чтобы эти облигации выпускались, и чтобы они использовались на те цели, о которых мы говорили?

Наконец, следующая развилка: как все это будет у нас развиваться. Пока у нас каждый развивается в одиночку, то есть ЦБ делает свое, Минприроды делает свое, Минэкономики делает свое, Минфин делает свое, мы работаем сами, коммерческие банки работают сами. Нужен какой-то координационный центр или и так нормально? Если нужен, то на каком уровне и где он должен быть? Насколько он должен быть координационный центр, насколько он должен быть жесткий, насколько он должен быть мягкий? У китайцев он, как обычно, достаточно четко определен. Сделали рабочую группу, туда вошел Народный банк Китая, Минфин, все регуляторы финансовые: Минэкономики, Минприроды, и вперед – выпускают постановления соответствующих органов и ЦК, и Госсовета, которые обязательны к исполнению. Но это Китай. В других странах такого нет. Что мы хотим?

Людмила Кабир: Спасибо большое, Сергей Павлович. На самом деле, вы подняли целый пласт проблем, которые вы четко уложили в развилки.

Я посчитала, получилось восемь развилочек: 1) целеполагание; 2) проблема восприятия; 3) информационное обеспечение и измерение; 4) инфраструктурная развилка; 5) подходы к выстраиванию системы; 6) источники финансирования; 7) инструменты; 8) степень координации. Достаточно большой пласт, который надо решать, то есть выбирать из спектра проблем свой вариант, наверное. Решение, конечно, предложено альтернативное, то есть мы ищем альтернативы в этом направлении?

Сергей Семенов: У каждой развилки, на то они и развилки, есть как минимум два пути, третий – не делать вообще. Я думаю, что цель сегодняшнего мероприятия – приблизиться немножко к общему пониманию этих ответов.

Людмила Кабир: Спасибо большое. С учетом вышеприведенных обстоятельств я бы хотела сейчас передать слово Михаилу Владимировичу Бабенко, руководителю программы «Зеленая экономика», Всемирный фонд дикой природы. На самом деле, ваша организация очень далеко продвинулась в этом вопросе, ваш опыт очень интересен. Имея перед глазами картину «зеленой» экономики мира в целом, вы наверняка сможете уточнить характерные особенности «зеленого» инвестирования в России. Если это окажется возможным и если это на самом деле имеет место быть, скажите, пожалуйста, Россия – такая уникальная страна, что у нас обязательно надо иметь свою специфику инструментов «зеленого» финансирования?

Михаил Бабенко: Спасибо, Людмила Сергеевна. Начну, наверное, с того, что каждая страна, которая встает на рельсы «зеленой» экономики, уникальна,

потому что универсального подхода к тому, как развиваться в гармонии с природой, наверное, нет. Хотел бы начать немножко издалека. Самая печальная вещь, которая случилась в преддверии этого форума заключается в том, что в той программе, которую, например, разрабатывает ЦСР в стратегии экономического развития, совершенно отсутствует экология. Напрочь!

Почему это важно? Если мы говорим об устойчивом развитии и человечество как-то второй раз умудрилось договориться, что мы имеем некие вполне определенные цели (с 2017 года их теперь 17 в области устойчивого развития), само по себе устойчивое развитие может быть гармоничным только в том случае, когда существует баланс между экономикой, экологией и социальной частью. Любой перекос в какую-то сторону ведет к тому, что начинаются проблемы. В этой связи «зеленая» экономика в последние четыре года обычно интерпретируется как экономическое развитие, инклюзивное развитие (включается человек), и экологически ответственное развитие, понимаемое как низкоуглеродное, ресурсоэффективное и инвестирующее в природный капитал.

Возвращаясь к России, самая значительная проблема, которая существует в нашей стране, заключается в наличии устойчивого понимания, что у нас с природой все хорошо. Это является огромным препятствием для «зеленого» развития, потому что, зачем дополнительно инвестировать в ресурсоэффективность, у нас и так много ресурсов, зачем инвестировать в сокращение выбросов, когда даже переход на новые технологии «автоматом» обеспечивает исполнение наших обязательств по сокращению выбросов. Для некоторых стран ответ на вопрос «Зачем нам «зеленое» развитие?» был вполне очевиден. Приведем в качестве примера тот же самый Китай, где экологические проблемы становятся фактором социальной напряженности, возьмем нашего ближайшего соседа Казахстан, который понял, что без «зеленого» развития ему не справиться с проблемой нехватки пресной воды, возьмем ту же самую Скандинавию, у которой всегда были проблемы с ресурсами, можно сказать, на генетическом уровне.

Главный вопрос для России: что может быть драйвером для нас? Вчера на пленарном заседании прозвучала довольно важная мысль от господина Кудрина, что источник развития для российской экономики – это экспорт. Хорошо, а какие риски для российской экономики это несет? Здесь мы понимаем, что требования со стороны инвесторов и требования со стороны покупателей будут накладывать очень жесткие условия на нашего производителя.

Простой пример. Нелегальную и несертифицированную древесину экспортировать в Европейский союз или Соединенные Штаты уже невозможно. Европейский потребитель все больше и больше смотрит на то,

какова цепочка поставок в той продукции, которая произведена, в том числе и в России. Здесь получается такая штука, что экологически «грязная» продукция будет не востребована. Из этого следует вывод, что, наверное, одним из основных драйверов для перехода России к «зеленому» развитию, к великому сожалению, будет не столько внутренний запрос на экологию, хотя сейчас это тоже растущая тематика и все больше людей хотят жить в чистых городах и дышать чистым воздухом, но основным экономическим драйвером, потому что без стимула рубля или доллара бизнес как-то простимулировать довольно-таки сложно, будут требования наших зарубежных партнеров.

Если же делать мостик к инструментам «зеленого» финансирования, то я, наверное, выскажу крамольную мысль: это технология. Инструментов очень много, мы и вчера рассматривали кучу, в том числе и новые инструменты, которые для меня были новостью, хотя в этой тематике я достаточно давно. Важная история заключается в том, и Сергей Павлович ее совершенно верно обозначил, что у нас сейчас отсутствует единый центр компетенции. Этих центров много, и на сегодняшний день совершенно непонятно, кто в какую степь ведет.

Крайне важно, по крайней мере на государственном уровне, между ведомствами договориться, определить, разделить, кто, как, каким образом будет продвигать идею и «зеленого» финансирования, и «зеленого» развития, потому что государство определяет рамки, в том числе и юридические, задает стимулы. Если таких рамок, стимулов и ограничений не будет, мы получаем минус один стимул для бизнеса переходить на «зеленое» развитие.

Людмила Кабир: Спасибо большое, Михаил Владимирович. Вы затронули действительно очень интересную проблему, особенно в части драйверов: что есть драйвер для нас для перехода к «зеленой» экономике. Интересным моментом было то, что ваш опыт показывает, что у каждой страны все-таки есть свой путь, свой подход к модернизации национальной экономики на экологической основе. Скажем так, и внутри самой экономики, в национальной экономике, у бизнеса есть и свои варианты, и свои подходы к решению этой проблемы.

Сейчас я хотела бы перейти ко второму блоку обсуждения: «Среда «зеленого» финансирования. Мнение бизнеса». Первое слово я хотела бы предоставить Денису Юрьевичу Иванову. Мне бы хотелось в этом блоке услышать мнения представителей бизнеса. Его экспертное мнение очень ценно, поскольку опыт, который имеется у них, является действительно рукотворным опытом как в плане личной инициативы, так и в плане финансового и иного ресурсного обеспечения «зеленых» инвестиций. Денис Юрьевич Иванов поделится с нами своим мнением о имеющихся и

перспективных инструментах финансирования устойчивого развития российского бизнеса. Пожалуйста.

Денис Иванов: Спасибо большое. У меня чуть уже тема – «зеленые» облигации, поэтому не про все темы буду рассказывать. То, что я хотел сказать о тенденциях, очень точно определил Сергей Павлович. Я бы разбил их на три аспекта. С одной стороны, наблюдаем абсолютный бум мировой, но с другой стороны, не то, что при более глубоком, а при более близком рассмотрении этого вопроса понимаешь, что этот бум на самом деле есть не что иное, как тренд. Вчера представитель Минэкономразвития, говоря про нашу проблематику, даже употреблял слово «фейк». К сожалению, это слово в контексте этих инструментов тоже употребляемо. На самом деле доступ к «зеленым» облигациям имеют лишь те эмитенты, которые и так имеют доступ к публичному долгу. Ничем, по сути дела, «зеленые» облигации от обычных не отличаются, и реальные спонсоры «зеленых» проектов как не имели доступа к публичному финансированию, так и доступа к «зеленым» облигациям они также не имеют. Наверное, когда мы рассуждаем о том, как нам построить эту систему в Российской Федерации, скорее мы должны сделать это в противовес мировому тренду, нежели следуя ему.

Говоря про мировые тренды, инвесторы однозначно существуют. Еще в декабре 2015 года несколькими десятками фондов был подписан The Paris Green Bond Statement, и объем средств под управлением этих фондов превышает 2 триллиона долларов. Это известные нам имена: AXA, Allianz и NN³. Некоторые из них инвестируют из своих общих фондов, некоторые из них создают свои собственные фонды. Более того, в этом году для синтетических инвестиций появился первый ETF⁴ «зеленых» облигаций, а BlackRock ведет индекс «зеленых» облигаций. Треть средств от зеленых облигаций идет на возобновляемые источники энергии, четверть – на энергоэффективность, одна пятая – на чистый транспорт, остальные темы также покрываются. Например, интересный новый тренд прошлого года – это новые бонды. С «Внешэкономбанком» наш партнер в Латинской Америке CAF в прошлом году выпустил три таких специализированных выпуска облигаций, которые называются «Водные бонды».

Чем «зеленые» облигации видимо отличаются от обычных облигаций? Это называется Принципы «зеленых» облигаций – Green Bond Principles. Прежде всего, это использование средств, то есть в нашем проспекте, когда мы готовим раздел «Использование средств», мы должны заявить проектные категории, мы должны раскрыть процессы принятия решений, как мы

³ Имеются в виду крупнейшие международные инвестиционные фонды и компании AXA, Allianz и NN Investment Partners (NN IP)

⁴ ETF (Exchange Traded Fund) – открытый инвестиционный фонд, паи которого торгуются на бирже

отбираем проекты; дальше, по получении средств, мы должны ими распорядиться, то есть средства должны размещаться в определенном субпортфеле «зеленых» проектов; далее отчетность – предоставляется раз в год. Когда я спросил организаторов, которые предлагают нам сейчас выпустить «зеленые» облигации, что будет, если мы через год не вложим в «зеленые» проекты, должны ли мы будем погасить, они сказали, что инвесторы эту тему как-то особо сильно не акцентируют, из чего понятно, что они, наверное, не очень хотят, чтобы эти средства гасились. Инвесторов прежде всего интересует возможность вложить, а контроль пока абсолютно не производится.

В 2016 году первым государством, разместившим «зеленые» облигации, стала Польша. Если говорить о цифрах, то они поражают: в прошлом году было размещено 93 миллиарда долларов США, 313 сделок. Если такими же темпами рынок будет расти в этом году, а судя по первому кварталу, будет расти, то уже больше 150 миллиардов долларов в «зеленых» облигациях в этом году будет размещено. При всем при том, это порядка 1% от общего объема облигаций, которые размещаются в мире. Наиболее крупный выпуск в прошлом году был от китайцев – Shanghai Pudong Development Bank 3 миллиарда долларов США, до этого был крупнейший выпуск Европейского инвестиционного банка – более 4 миллиардов, но в этом году был побит уже абсолютный рекорд – это правительство Франции выпустило второй суверенный бонд на сумму 7 миллиардов евро, а объем спроса был 23 миллиарда евро. Небольшие облигации очень редко встречаются. Был самый маленький «зеленый» выпуск в прошлом году – 230 тысяч долларов США, но в основном все-таки речь идет об объемах в сотни миллионов долларов.

По географии абсолютно крупнейший рекордсмен – это Китай, 35%, второй рекордсмен – США, третий – национальные и международные организации, несколько из которых я сегодня уже называл. Например, Новый банк развития, наиболее близкий к России, поскольку Россия там имеет 20%, в прошлом году выпустил в Китае такие «зеленые» облигации, и более того, инвестирует он средства от этих «зеленых» облигаций через Международный инвестиционный банк. У нас есть проект в Карелии – строительство гидроэлектростанций, и Новый банк развития, используя эти средства, предоставляет средства нам – Евразийскому банку развития, а мы вкладываем в этот вот «зеленый» проект, то есть так тоже это работает.

Самые разные «зеленые» облигации появились. Есть уже и callable bonds⁵ и Schuldschein⁶ немецкие. Есть какие-то странные, на мой взгляд, облигации,

⁵ облигации с правом досрочного погашения

⁶ долговое обязательство

например, выпускаемые ипотечными агентствами, только потому, что они подписываются под «зелеными» принципами. Что «зеленого» в ипотеке, мне не совсем понятно. Был случай, когда в Штатах один из муниципалитетов выпустил «зеленые» облигации на строительство парковки, против которой протестует местное население, заверяя, что оно загрязняет воздух там, где они живут. Опять же, выпустили их только потому, что они подписались под «зелеными» принципами.

Рейтинговые агентства сейчас разрабатывают разные методики. Агентство Moody's в исследованиях гордо заявляют о том, что 98% облигаций, которые они рейтингуют, имеют инвестиционный рейтинг, а треть – это вообще AAA, и считают, что это какая-то позитивная тенденция. Мне как раз не кажется, что это позитивная тенденция, потому что это лишний раз говорит о том, что эмитенты с более низким рейтингом, спонсоры «зеленых» проектов, они априори вообще не имеют рейтингов или могут получить рейтинги очень невысокие, они никакого допуска к этому не имеют.

Я веду к тому, что в России мы все-таки должны построить это иначе. Если будем вести все так, как происходит в мире, то крупные банки развития, международные корпорации как выпускают обычные облигации, так и будут выпускать «зеленые» облигации, но мы должны задуматься прежде всего над тем, чтобы допуск к этому виду финансирования получили непосредственные компании, которые «зеленые» проекты и реализуют.

Это движение, наверное, должно быть с двух сторон. С одной стороны, должно быть от инвесторов. Основными инвесторами должны выступать национальные банки развития, международные банки, государственные банки. Как вчера говорил представитель «Сбербанка», господин Гаврилов, риск доходности отменить невозможно, чудес не бывает. Если будет повышенный риск, то просто так туда инвестировать будет невозможно даже специализированным институтам, поэтому тут должно быть движение и со стороны государства. Вчера приводили пример, когда 16 километров дорог строится между «ветряками» просто потому, что такое требование, а на самом деле по этим дорогам машина ездит два раза в год. Этот пример абсолютно вопиющий. Также должны быть действия и со стороны нашего уважаемого регулятора, которому я тоже предлагаю посмотреть на какие-то меры стимулирования, будь то ломбардные списки, будь то списки для инвестиций, пенсионных фондов и других, чтобы тоже пойти на какие-то меры стимулирования для того, чтобы «зеленые» облигации все-таки выпускались не только теми, кто и так обычно облигации может выпускать, а непосредственно теми, кто финансирует и реализует «зеленые» проекты.

Людмила Кабир: Спасибо большое, Денис Юрьевич. Из вашего выступления следует, что перспективный инструмент развития

финансирования в России «зеленых» инвестиций – это «зеленые» облигации. Также из вашего высказывания следует, что есть проблемы в области стандартизации. Вы сказали, что участвуете в проекте, и интересно понять эту схему: вы действуете по стандартам, которые вам дает ваш партнер, или вы разработали внутри своей компании, внутри своего банка свои стандарты «зеленых» инвестиций?

Денис Иванов: Да, естественно, внутри все эти стандарты крупные банки разрабатывают. Я уверен, что у всех банков, которые здесь присутствуют, они есть. Опять же, я веду речь прежде всего не только о стандартизации, но также о контроле. Недопустима та ситуация, когда просто эмитент, подписавшись под какими-то принципами, уже имеет доступ просто к «зеленым» облигациям, на самом деле не вкладывая их в реальные проекты «зеленой» экономики. Я как раз веду все к тому, что независимо от принципов, которые мы принимаем, необходим все-таки контроль. Хотя я как банкир не должен выступать за регулирование, так как мы, наоборот, всегда против регулирования, но здесь, мне кажется, это как раз та тема, где регулирование необходимо очень жесткое.

Людмила Кабир: То есть получается, проблема стандартизации у нас тоже существует, проблема в разработке внутренних методик оценки рисков тоже присутствует, и ее тоже нужно решить?

Денис Иванов: Да, однозначно.

Людмила Кабир: Спасибо большое, Денис Юрьевич. Хотела бы продолжить примеры того, что сейчас волнует и находится в спектре внимания бизнеса, поэтому предлагаю передать слово Евгению Валерьевичу Николаеву, компания «Русский ветер». Эта компания имеет свой собственный интересный опыт реализации «зеленых» инвестиционных проектов. Пожалуйста.

Евгений Николаев: Людмила Сергеевна, спасибо вам огромное за представление меня. Компания «Русский ветер» пытается внедрить ветроэнергетику в Российской Федерации. Это дело относительно новое для нас, для страны. Давайте посмотрим, каково состояние этой отрасли в мире в настоящий момент. По состоянию на первое полугодие 2016 года установленная мощность ветрогенерации в мире составила 460 гигаватт, причем рост произошел за последние 6 лет – установленная мощность выросла на 88%. Данная цифра в два раза превышает всю энергосистему Российской Федерации на сегодняшний день. Эта отрасль создала миллион рабочих мест по миру. Я сегодня не случайно посмотрел на население Красноярска, и можно сказать, что площадь равная Красноярску в мире занимается только ветроэнергетикой. Россия в данной ситуации в пределах арифметической погрешности, то есть у нас мощности всех ветростанций на сегодняшний день

установлены менее 17 мегаватт. Не гигаватт, а мегаватт! Когда я это говорю коллегам из Индии или Китая, это вызывает смущение.

Такой рост ветроэнергетики в мире произошел из-за того, что за 10 лет себестоимость производственной энергии на базе ветра за счет эффективности оборудования и себестоимости производства упала в шесть раз. В настоящий момент это дешевле по капитальным и операционным затратам, чем угольная и атомная генерация. Нет топливной составляющей никакой. Оборудование имеет высокий потенциал для локализации по причине того, что ветрогенератор – это, по сути, логистически опасный объект. Например, лопасть 60 метров длиной перевозить по территории России или любой другой страны представляется делом не тривиальным, а особенно гондолы, которые весят по 200-250 тонн, тоже непростое дело перевозить, и сама перевозка стоит очень дорого, поэтому производить имеет смысл в местах потребления.

Нулевой уровень выброса парниковых газов и вредных веществ в процессе эксплуатации позволяет сказать, что это является и ключевым элементом «зеленой» экономики, и «зеленой» энергетики в частности. Используют возобновляемый источник – энергию ветра в своих целях. На слайде представлен один из парков наших партнеров в Германии, под сенью которого на протяжении 20 лет живут зубры, плодятся, а зубр в неволе не особо хорошо растет и не развивается. Можно сказать, что ветроэнергетика на реальном примере в отношении дикой природы имеет более положительный отклик, чем другие формы генерации электроэнергии.

Что такое ветроэнергетика и какой потенциал она имеет в России? У нас в стране с 2013 года существует форма поддержки через договор на поставку мощности. Есть планка 3,3 гигаватта установленной мощности до 2024 года. Этот эквивалент поддержки равняется 600 миллиардам рублей до 2024 года. Поддержка не бюджетная, формируется она из инвестиционной составляющей тарифа, так что ее сократить по бюджету нет возможности.

При всем при этом государство четко обозначило Постановлением №449⁷, что ждет, и оборудование, которое будет установлено в рамках этой программы, будет до 65% локализовано в Российской Федерации. Это эквивалент порядка 350 миллиардов рублей до 2024 года поставок оборудования по данному вопросу. В 2014 году я создал эту компанию для того, чтобы ответить на вызов, связанный с локализацией. И это единственный шанс выйти национальному игроку на рынок, где доминируют настоящие транснациональные корпорации, такие как Vestas, Siemens. В России у нас есть

⁷ Постановление Правительства Российской Федерации от 28 мая 2013 года № 449 «О механизме стимулирования использования возобновляемых источников энергии на оптовом рынке электрической энергии и мощности»

потенциал создать национального игрока, потенциал в 350 миллиардов рублей мне очень нравится.

Прошу поднять руки людей, которые знают эти значки? За круглым столом знают хорошо, а коллеги из студии не очень знают, поэтому расскажу немного про эти цели. Это цели, объявленные ООН в области устойчивого развития. Михаил как раз говорил по поводу того, что с 2015 года их теперь 17. Основные переведены на русский язык, на каждой я останавливаться не буду. С какой целью меня это интересовало? Ветроэнергетика России отвечает, по сути, на шесть целей. Две основных – это недорогая и чистая энергия и борьба с изменением климата, так как энергетика – это один из ключевых загрязнителей, в том числе и в России. Также производство вокруг этого и создание партнерств отвечают вполне себе шестью целям в области устойчивого развития, объявленному ООН.

Сам я достаточно большой фанат этого направления, но стал вовлеченным в это не так давно. В этом году была одна огромная секция на Давосском экономическом форуме, где люди серьезно обсуждали возможности в том числе и финансирования этих целей устойчивого развития. Меня это захватило. Также я участвовал уже в России в игре в целях устойчивого развития, которая проходила в Казани не так давно, по поводу создания города будущего как эксперт по вопросам изменения климата и по недорогостоящей чистой энергии. Это все хорошо, а является ли это бизнесом? Мы считаем, что да. В частности, у нас свой девелопмент на 280 мегаватт установленной мощности ветростанций.

Если кто не знаком с формой поддержки ДПМ⁸, охарактеризую в нескольких моментах. Это интересная форма поддержки, которая не похожа на «зеленые» тарифы, существующие в Европе, в Китае или вообще общемировые. Это более безопасная форма поддержки относительно инвестора и возврата инвестиций. Она построена на принципах того, что формируется договор на поставку мощностей, то есть надо выиграть тендер, и победитель с наименьшим «капексом»⁹ на этом тендере должен построить станцию за свой счет и по заключенному договору после введения ее в эксплуатацию в течение 15 лет получает вознаграждение, которое было разыграно на тендере, с доходностью 12%. Для нас это означает, что объективно по 280 мегаваттам, если есть строительство под ключ более дешевого, чем размер компенсации, то возврат инвестиций гораздо более быстрый может произойти, то есть до 5-6 лет потенциально можно сделать объект инфраструктуры окупаемым. Это очень высокий показатель для

⁸ ДПМ - договор на поставку мощности

⁹ капитальные расходы (от англ. Capital Expenditure — CAPEX)

объектов инфраструктуры, и по миру это стандарт уже ближе к высокорентабельным объектам. Мы считаем, что форма поддержки в России в настоящий момент является одной из лучших в мире с точки зрения приемлемости для институциональных инвесторов и финансовых институтов.

Отмечу следующий момент. Моя организация является частью Всемирной ветроэнергетической ассоциации, которая в прошлом году начала смотреть на Россию как на потенциальный рынок для развития ветроэнергетики, и создала отчет по перспективам энергетического рынка в России на 2017 год. Этот отчет мы презентуем в июне этого года, возможно, с участием вице-преьера, курирующего это направление, чтобы показать, насколько важно подобное направление. Результатом этого отчета стал опрос экспертов. Если посмотреть на табличку, то видно, что литера F означает, что это финансовый. Чтобы подтвердить актуальность сегодняшнего разговора, можно сказать, что три основных вопроса с точки зрения развития ветроэнергетики в России международные эксперты и участники рынка видят как раз в недостатке инвестиций, макроэкономической ситуации в стране, которая в первую очередь продиктована ситуацией заимствования на рынке финансов.

Если я что-то не понимаю, я езжу и учусь. Получилось так, что я проходил обучение по финансированию ветроэнергетических объектов в Лондоне. Есть такая Green Energy Academy, в которой для новых рынков был определен очень интересный концепт в плане того, что любой из таких проектов ветроэнергетических формируется из трех основных ключевых игроков, потому что мы говорим про проектное финансирование. Инвестор, конечно, играет ключевую роль, потому что несет в проект эквити¹⁰, но без финансового инвестора и долгового финансирования результат может и не сложиться, потому что левиридж¹¹ должен быть на деньги инвестора. В ветроэнергетических объектах появляется еще и третий игрок – девелопер. Это, как мы у себя в компании называем, зубастые и быстрые – те, которые отвечают за вопросы, связанные с землей, измерением ветроресурсов, взаимодействие с органами власти. Успех проекта, в целом, продиктован наличием как раз всех трех игроков. Требования к ключевому инвестору, так как на нем лежит вопрос со строительством и локализацией, обычно выпадает на новых рынках, потому что таких игроков не так много, и они заходят на рынки на уже подготовленные проекты девелопером.

Я попытался разобраться в ситуации, как обычно выглядит взаимодействие девелопера или игроков отечественного рынка

¹⁰ от англ. equity – акционерный капитал

¹¹ от англ. leverage – кредитное плечо

ветроэнергетики с финансовым инвестором. Понятно, разный уровень риска профиля, то есть когда девелопер приходит к банку и ожидает, что у него все риски должны быть покрыты, то в лице банка ситуация выглядит немного странно, то есть это слишком высокий риск для банка по выходу. Для девелопера непонятно, почему банк не рискует. А не рискует, потому что как раз нет эквити-инвестора¹², который имеет стратегический интерес в данной отрасли. У нас сформировался пакет и продукт для банков в сотрудничестве с нашим партнером из Турции – компанией Guris, которая 400 мегаватт ввела у себя и в целом по миру владеет ветростанциями. Она является хорошим спонсором с точки зрения того, что активов у компании где-то на 2,5-3 миллиарда долларов, в зависимости от того, как турецкая лира скачет. Тут потенциал для взаимодействия уже повыше. С этой точки зрения хотел бы обратить внимание коллег на подобный подход.

Единственное, на что хотел бы обратить внимание, что сейчас у нас идет взаимодействие с финансовым инвестором, и обычно банк готов на единственный риск – это ДПМ, но есть еще риск локализации, который желательно бы и институтам развития, таким как ВЭБ, например, или тот же «Сбербанк», интересно было бы переложить хотя бы часть риска, связанного с локализацией. Так как есть Постановление №449 и выход на эти 350 миллиардов выручки потенциальной от производства оборудования, может принятия этого и не случиться, потому что риск локализации, например, тот же турецкий инвестор не всегда готов брать, потому что не понимает, как это здесь производить. Вот на этом хотел бы закончить, огромное спасибо за внимание. Буду рад ответить на вопросы.

Людмила Кабир: Спасибо большое, Евгений Валерьевич! На мой взгляд, вы предоставили просто шикарный кейс, который основывается на вашем практическом опыте, и вы прекрасно продемонстрировали ту структуру финансовых рисков, которая возникает при реализации конкретного инвестиционного проекта. И насколько я понимаю, в этом случае мы ведем речь о внешних источниках финансирования как одном из источников финансирования «зеленой» экономики. На мой взгляд, это очень здорово, что вы нам рассказали, но вот я хотела бы отметить такой момент, что для ряда бизнесов не всегда возможен доступ к внешним источникам финансирования. И вот я хотела бы услышать мнение по этому вопросу со стороны крупного бизнеса и включить в дискуссию Ивана Ивановича Ребрика. Нам очень интересно понять, как вы, ваша компания, решаете эту проблему с финансированием экологической модернизации.

¹² имеется в виду инвестор, приносящий в проект акционерный капитал

Иван Ребрик: Спасибо, Людмила Сергеевна. Я хотел бы обратить внимание коллег на шестой слайд, который нам показывала Людмила Сергеевна, где демонстрировалась доля «зеленого» финансирования в основные средства по видам промышленности. Мы видели, что там металлургия занимает преимущественно значительное место. В связи с этим надо очень четко понимать, что тот посыл, который передал со вчерашней пленарной сессии от Кудрина нам Михаил, о том, что мотиватором поисков вариантов модернизации экономики, как Сергей Павлович четко подметил, является экологизация производства, и в первую очередь коренная модернизация того, что уже было построено. На это сейчас и направляются основные средства.

Наш опыт привлечения «зеленого» финансирования и попытки каким-то образом нащупать приемлемые для нас механизмы финансирования начиная с 2007 года был не очень удачен, за исключением нескольких случаев, о которых я сейчас хотел бы рассказать. Почему? Потому что сейчас мы только что услышали, что существует масса механизмов, на самом деле, предлагаемых в мире, опробованных и находящихся в различной степени готовности у нас в России, но нет центра компетенции, и мы сегодня не понимаем в отсутствии единой методологии, в какой банк идти, с какими требованиями. Мы ходим во многие банки для того, чтобы найти финансирование под свои экологические проекты. Риски предъявления и отказа от финансирования, предъявления каких-то санкций со стороны банков настолько велики, насколько можно прогнозировать точность достижения заявленного экологического эффекта.

Я думаю, что Всеволод согласится со мной, поскольку мы идем впереди, разрабатываем через НИОКРы, модернизируем свое производство. Тренд идет на снижение, но гарантировать абсолютно четкое достижение экологического эффекта никто не может, и именно поэтому приходится отказываться от возможного финансирования банков. Допустим, на Красноярском алюминиевом заводе мы начали реализовывать свои проекты совместного счисления по Киотскому протоколу еще начиная с 2007 года, и на КрАЗе это был первый в мире проект в рамках реализации механизмов Киотского протокола для снижения выбросов парниковых газов от электролизного производства вообще в мире. Мы сократили перфторуглерод, сменили парадигму ведения технологий, снизили за 5 лет выбросы на 15%, хотя планировали на 10%, валидировали¹³ эти выбросы и реализовали их на углеродном рынке. Всего за 5 лет суммарно по различным заводам мы получили 16,5 миллионов ЕСВ (единиц сокращенных выбросов), которые

¹³ от англ. validate – подтверждать

реализовали на 75 миллионов евро. Это были обремененные финансы, и мы их вложили в свои же природоохранные проекты. Это опыт номер один.

Опыт номер два. Мне хотелось бы сделать реверанс в сторону Минпрома, который активно подключился все-таки к разработке методологии финансирования проектов по развитию производства. Мы пользуемся этим.

Тут я показываю, какие на самом деле условия финансирования ФРП¹⁴ Минпром делает с 2014 года. Мы получили грант на разработку нового эффективного электролизера. В продолжении вчерашнего диспута, где нам говорили: «Что вы говорите об экологии? Вы же говорите об энергоэффективности и ресурсосбережении!», хотелось бы задать следующий вопрос: «Простите, люди, а разве это разрывные понятия? Это же суть одного процесса». Конечно, все это ведет к экономике, но на то она и есть бережливость, а любое бережливое производство начинается с наведения порядка на рабочем месте. Если мы у себя в России наведем порядок с методиками, механизмами и учетами финансирования, мы сможем понять, как построить цепочку создания ценностей и развиваться дальше.

Для себя мы вычленили наилучшие конструкции по расходам электроэнергии, по суммарным выбросам, и пошли с этим в Фонд развития производства, получили деньги. На сегодняшний день наш электролизер «РА-550», который уже построен и проходит опытно-промышленные испытания, лучший в мире. Не надо стыдливо отводить глаза, когда мы говорим, что в России есть лучшее в мире. Почему-то в это трудно верится, да, но тем не менее крупный бизнес возрождает эти традиции. У нас должно быть лучшее в мире все.

Может быть, несколько патетично, но как мне кажется, «зеленые» инвестиции, во всяком случае для металлургического бизнеса, но в первую очередь и для инвесторов, должны быть гарантией по возврату инвестиций, по господдержке и дополнительным преференциям инвесторам при инвестициях. Какие это могут механизмы, предложения – это отдельный долгий разговор. Для компаний, безусловно, важным являются льготные ставки по кредитам. Поскольку сегодня инвестиционный цикл от семи до двенадцати лет – это длинные деньги, и в банк не идут за ними. Госсубсидии не характерны для всех, но достижение небольшого проекта с ярким экономическим эффектом, как то постройка станции для очистки стоков, или для перевода на замкнутый цикл водоснабжения, – это тот самый яркий эффект, когда можно сделать частное государственное партнерство.

Следующий пункт. Мне очень хотелось бы остановиться на некоторых аспектах, которые постоянно ставят подножку природопользователям, в том

¹⁴ ФРП - Фонд развития промышленности

числе и очень дисциплинированным. Это статья 78 пункты 1-2 Федерального закона №7-ФЗ¹⁵ о порядке возмещения ущерба качеству окружающей среды. Преимуществом, к сожалению, сегодня с подачи надзорных органов пользуется пункт номер 1 – платежи в бюджет, но не натурное возмещение качества окружающей среды.

Пример. Ачинский глинозёмный комбинат. За 30 с лишним лет накопилось достаточно большое количество негативного воздействия вокруг шламовых полей. Мы разработали проект, получили на него экспертизу, прошли общественные слушания. Проект стоит больше 6 миллиардов рублей, длительность его реализации занимает чуть более пяти лет. Что вы думаете: нам разрешают его делать? Нет. С нас требуют вернуть деньги, которые насчитали по якобы нанесенному ущербу сельскому хозяйству за земли в санитарно-защитной зоне шламового поля, которые фактически никогда не засеивались, не снимались урожаи, не паслись коровы с 1972 года, но в 2014 году нам вдруг за 1,5 гектара выкатили счет. Это упражнение полезное, наверное, для судов и для того, чтобы готовить обоснованные предложения в изменение «нормативки». Мы их готовим.

Следующая тема – зачет экологических платежей. В России это было и останется декларацией, за исключением, может, опыта некоторых крупных корпораций, которые имеют возможность судиться. Допустим, мы можем засчитывать платежи в той доле и в той сумме, которая потрачена на конкретное снижение конкретного загрязняющего вещества. Опять пример – станция для очистки стоков. У нас что, это пробирка в химической лаборатории, и там только это вещество? Да там целый комплекс, и мне надо построить объект капитального строительства, который в сотню-тысячу раз по стоимости превышает этот объем платежей. Я не могу его в общем объеме платежей за негативное воздействие учитывать, а только в той доле соотношения.

Кому надо этим всем мारаться? Этим никогда никто пользоваться не будет. Конечно же, фондирование. Мы уже говорили о том, что прошло время, ушли от обвинений взаимных и восстановили дорожный фонд, но почему на сегодня экологические платежи в промышленных регионах исчезают бесследно в бездонном бюджете. Они должны быть обременены, поскольку главное – это все-таки предупреждение, вторичное – это восстановление качества, и только потом компенсация.

В связи с этим я предлагаю отразить в резюме круглого стола эти три аспекта. Мы их сформулируем и передадим. Спасибо большое.

¹⁵ Федеральный закон от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»

Людмила Кабир: Спасибо большое. Вы очень интересную проблему рассказали, а представленный материал заставляет о многом задуматься. Мы понимаем, что проблема рисков очень актуальна, когда мы пытаемся осуществить инвестиции. Есть потребность финансироваться, но возможности ограничиваются этими рисками. Здесь еще хотелось бы услышать Дениса Игоревича Черепанова, представляющего у нас средний бизнес. Буквально ремаркой, 2 минуты. Есть ведь проблемы и у вас? Что сдерживает финансирование «зеленых» инвестиций?

Денис Черепанов: Добрый день. Я постараюсь быть краток и предельно четко все сформулировать. Правда, у меня так получилось, что тезисы на все темы, то есть касаемо и регулирования, касаемо и конкретной проблематики. Пользуясь случаем, хотел бы поблагодарить организаторов и обратиться с просьбой. Хотелось бы, чтобы в результате этого круглого стола, помимо статистики, у нас все-таки были какие-то конкретные предложения. Со своей стороны, мы, как «Деловая Россия», готовы тоже оказать свою поддержку и совместно подготовить какие-то предложения, чтобы направить их в соответствующие органы регулирования.

Тезисов у меня шесть. Первое, с чем уже все согласились и все на это указали, – это отсутствие единого органа и единой структуры, которая принимает решения по таким ключевым для нас вопросам, как энергоэффективность, всему, что связано с экологией, с «зеленой» энергетикой. Это очень большая проблема. Если мы посмотрим положения об органах власти, фактически в каждом отраслевом министерстве у нас будет отдельный абзац, посвященный энергоэффективности. По факту коллеги занимаются, но практически нет той структуры, которая сводила бы государственную повестку в один полномасштабный документ.

К сожалению, то, что делало Министерство энергетики, что красиво называлось государственной программой энергоэффективности и развития энергетики, сейчас в части энергоэффективности как таковой не работает. Коллеги, я призываю обратиться на самый высокий уровень и, во-первых, закрепить за кем-то из федеральных органов исполнительной власти, пусть это будет Минэкономразвития, вот эту сводную функцию. Плюс, выступить с инициативой о составлении единого документа. Пусть это будет либо государственная программа, которая объединяла бы вопросы экологии, энергоэффективности и координировалась на самом высоком уровне, либо какой-то сводный план мероприятий, который бы объединял те мероприятия, которые есть, допустим, в повестке Министерства энергетики, мероприятия в повестке Минстроя, мероприятия в повестке всех других министерств. Это крайне необходимо и крайне важно, в том числе для бизнеса.

Не могу не поделиться и своим опытом и, так как мы под эгидой Министерства финансов этот круглый стол проводим, хотел бы чуть-чуть сказать про компетенцию, возвращаясь к вчерашней пленарной дискуссии. Какое-то время назад я работал в министерстве на позиции начальника отдела и могу сказать, что это удовольствие достаточно дорогое для работника. Сейчас работать на тех условиях, на которых коллеги работают в министерствах, крайне затруднительно. Параллельно мы имеем ситуацию, когда те госкомпании, с которыми Министерство энергетики взаимодействует, имеют немного другой порядок цифр. Мы задаем вопрос: почему нет компетенции в органах власти, почему нет внятной повестки, почему нет внятной координации? Ровно поэтому. Коллеги, давайте будем честны и откровенны, то, что у нас сейчас такой колоссальный разрыв в компетенции, в понимании происходит, – это недопустимо.

Если мы хотим внятную государственную поддержку и не точечную, урывками, в интересах отдельных государственных структур или отдельных сегментов бизнеса, то мы должны четко понимать, что у нас должны быть квалифицированные специалисты: там должны быть кандидаты и доктора наук, которые работают на соответствующих позициях в органах власти.

Теперь к более детальным проработанным вопросам. У нас на Комитете по энергетике вчера кратко рассказывал и еще хотел бы, чтобы в этом круглом столе эта проблема отразилась. У нас на круглом столе конкретный пример конкретной компании члены «Деловой России» рассматривали, когда коллеги перерабатывают попутный газ. Проблема в чем? Сейчас переработка этого попутного газа, который попадает под все мыслимые или немыслимые государственные задачи – это и энергоэффективность, и поддержка малого и среднего предпринимательства, это и «зеленая» энергетика. Министр говорит на коллегии, что надо перерабатывать попутный газ, но тем не менее не получается. Казалось бы, более вопиющего случая я не видел. Изменения в эти две запятые, две строчки в законодательстве, но всем очевидно: ни одного минуса мы не видим. Почему не исправить, тем более, что у нас есть исключения для переработчиков попутного газа, когда они могут продавать электроэнергию на розничном рынке, но это касается только вертикальных интегрированных наших нефтяных компаний. Что это такое, коллеги? Жалко, что органы власти так относятся к нашим круглым столам, но я прошу это тоже включить. То есть для меня это как лакмусовая бумажка, если такие реальные энергоэффективные вещи, которые не стоят миллиардов вот тех ...

Людмила Кабир: Хотелось бы ближе к нашей тематике, не к регулированию, к инвестиционным моментам, к проблемам финансового обеспечения этого процесса.

Денис Черепанов: Я извиняюсь, но ближе уже просто невозможно. Это конкретная энергоэффективность.

Кабир Людмила Сергеевна: К инвестиционным моментам, проблеме финансового обеспечения этого процесса. Спасибо большое, я думаю мы вас услышали и более того, что касается предложений, с которыми мы будем обращаться, они будут.

Денис Черепанов: Я сегодня готовился и готовился. Мы даже отдельное заседание внутри Деловой России на вашу тематику, на тематику этих круглых столов...

Кабир Людмила Сергеевна: Одна минута.

Денис Черепанов: Хорошо. Коллеги, я прошу в итоговое заключение включить этот пункт по переработке попутного газа. Посмотрим, какую это реакцию даст от наших органов властей. Следующий момент. Мы смотрели на мировой опыт, как в части эффективности в разных странах выстроена система контроля и стимулирования внедрения таких проектов. Я считаю, что это очень важно для конкретно этого круглого стола. Мы смотрели положительный японский опыт, когда из тех данных, которые у нас в том числе официально подаются компаниями, элементарно складывается картинка, когда по каждой компании можно посмотреть в тоннах условного топлива, сколько на единицу продукции тратится энергии. Проводя элементарный бенчмаркинг можно посмотреть, эффективная эта компания или не эффективная. Как выстроено в Японии: если компания ниже определенного уровня, будьте любезны или платите большие штрафы, что Минфину будет интересно, либо включаются разнообразные методы эффективной поддержки, когда приходят дипломированные энергоаудиторы, энергоменеджеры, разрабатывают мероприятия, и банки на определенных льготных условиях это внедряют.

Людмила Кабир: Спасибо большое, Денис Игоревич! Уже лимит времени исчерпан мы не можем задерживаться в аудитории больше того, что нам отведено. Я сейчас все-таки хотела вернуться к проблеме оценки рисков. И включить в наш разговор Всеволода Валерьяновича Гаврилова, представляющего Сбербанк. Поскольку у Сбербанка есть действительно колоссальный опыт в этой области. Всеволод Валерьянович, не настало ли время разработать единую методику оценки рисков, которая могла бы применяться при финансировании «зеленых» проектов?

Всеволод Гаврилов: Спасибо. Уважаемые коллеги, понимаю, что из регламента выбиваемся пойду по тезисам очень кратко. Значит шесть тезисов. Сначала макроэкономика. У нас есть один бенчмаркинг в январе – 13 триллионов рублей. Все регуляторные решения приняты, соответственно, если обратным счетом считать, то в период с 2019-го по 2020-й годы наш бизнес

должен принять финансовый коммитмент¹⁶, который был оценен Минпромторгом примерно в этой сумме, с выборкой от лимита в течение 5-6 лет, максимум до 7 лет.

Соответственно, эта выборка будет превышать размер гособоронзаказа федерального годового бюджета. Очевидны выводы. Иду просто тезисами, понимая, что дискуссия носит более профессиональный характер. Первое, уважаемый ЦБ, подумайте: это вообще то говоря влияние на денежные агрегаты, на базовые маркеры.

Следующий момент. Понятно, что нам придется распределить риск между участниками рынка, поскольку это вряд ли выдержат текущие рейтинги, ковенанты¹⁷. И вопрос в какой-то момент здесь встанет: государство или нет, или всё останется в рынке? Это вопрос, дальше ставлю многоточие.

Третий момент очень важный. Нам придется совершенно по-другому посмотреть на проектное финансирование. Возможно, надо здесь сделать определенные стандарты и принципы проектного финансирования, поскольку балансы не выдержат. Вот у нас уважаемый Иван Иванович, он уже все понимает в ковенантах, он уже подошел к пределу того, что он может сделать.

Хотел бы очень быстро обратиться к тем участникам дискуссии, кто представляет компании, потому что вы пришли на круглый стол «Зеленые» инвестиции: инструкция по применению», а где элементы инструкции? Давайте вместе разрабатывать инструкцию. Первый момент – проекты надо типизировать. Если проекты будут типизированы с точки зрения использования проектных и технических решений, есть возможность использования квазиинвестиционных балансов финансовых институтов, таких как лизинг и факторинг. Ставлю многоточие, дальше не развиваю эту тему. Только типизация позволяет по-другому начать управлять рисками.

Следующий момент. Мы ожидаем развития новых инвестиционных форм, и прежде всего я использую слово аутсорсинг. На самом деле, Евгений сделал очень важный месседж, но он не до конца его развил. Да, нам нужно наличие профессиональных участников рынка, точно нужна какая-то поддержка профучастия, и нам придется выходить на сложные формы контрактных отношений – это сервисные договоры, девелоперские договоры, аутсорсинг в различных вариантах. К сожалению, это потребует незамедлительно внесения определенных дополнений, изменений, возможно, даже в ГК, но без таких вещей мы вряд ли справимся с такой серьезной мобилизацией.

¹⁶ от англ. commitment – обязательство

¹⁷ от англ. covenant - обязательство заемщика или эмитента соответствовать определенным ограничениям в области финансовых показателей и отдельных аспектов деятельности, при нарушении которых у кредиторов возникает право требования досрочного исполнения обязательств

Уважаемые коллеги, может быть, сейчас немного рано смотреть на ситуацию, но скорее всего, мы выйдем на вопросы ликвидности, вопросы рисков, и где-то через год этот вопрос встанет остро. Пока у нас есть время для разгона, чтобы посмотреть. Знаете, как в России: глаза боятся, а руки делают; собака лает, а караван идет. Давайте смотреть те решения, которые могут быть. Будем надеяться, что нам финансовый регулятор, финансовая власть все-таки снизят через какое-то время учетную ставку и показатель инфляции. Мы им желаем всяческой удачи! Тогда нам будет легче осуществлять инвестиционные вещи.

Последний месседж. Возникает ощущение, что речь не идет только о технической модернизации, то есть был завод, вот здесь, и стал завод более технологичный. Скорее всего, размеры реформы. Масштабы реформы. А масштабы реформы говорят о возможных структурных эффектах. Был один завод, его закрыли, сделали вообще другой – возможна и такая история. Все, спасибо.

Людмила Кабир: Спасибо большое. Очень кратко, лаконично и дельно. Так получается, что мы никак не сможем обойтись без мнения регулятора. Попрошу подключиться Дениса Евгеньевича Григорьева, поскольку действительно получается, что Банк России должен организовывать работу на этих финансовых рынках.

Денис Григорьев: Абсолютно верно. Что у нас сейчас получается из мировой практики? По-хорошему, «зеленое» финансирование – это история не только национальных банков, национальных регуляторов, а это также и история бизнеса. Бизнес активно вовлечен. Исходя из тех сессий, которые прошли, у нас у каждой организации более-менее крупной есть свой бюджет, направленный на «зеленое» финансирование. Мы знаем о реальных мероприятиях, которые проводят? Нет, не знаем. Фактически раскрытие информации как таковое отсутствует. Стандартизация, раскрытие информации у нас отсутствуют. Является это мировым трендом или нет?

Смотрите, мы пытались найти какое-то зарубежное исследование, которое более-менее характеризует именно мировую ситуацию, и такое исследование нашлось на базе ООН. 40% организаций раскрывает информацию о ресурсопотреблении в части энергетики, где-то порядка 25% организаций раскрывают информацию о потреблении воды, к примеру. Это касается ресурсов. Что касается взаимодействия с окружающей средой – 25%, что касается загрязнения окружающей среды – 11%. Где Россия здесь находится? Россия находится примерно на 26 месте среди исследованных площадок. Мы пропустили вперед Китай, Мексику, Индию; обошли Польшу, Индонезию. Есть, куда стремиться.

Что помогает здесь? Помогает типизация отчетности. Есть директивная история, когда государство навязывает, каким образом раскрывать информацию – это история Индии и Китая, когда происходит маркирование компаний на «зеленые» и «черные», как в Китае, когда «зеленые» пользуются определенными тарифными преференциями, а «черным» организациям, которые загрязняют именно окружающую среду, делают повышенные тарифы. Можно пойти по этому пути. Можно пойти по пути того же Китая, Индии, ряда европейских стран, когда создаются реестры и инвесторов, и эмитентов, и проектов. Это абсолютно «бизнесовые» вещи, и здесь регулятор, в принципе, не нужен. Мы просто сводим различные стороны этих «зеленых» проектов, и они видят, в кого вкладываться, примерно понимают, что рынок более-менее организован, какие условия предлагают эмитенты инвестиций.

Абсолютно не секрет, что сейчас общих мировых стандартов по «зеленым» инструментам нет, а есть примерное сближение, как климатические облигации. Там действительно пытаются найти определенное направление стандартизации, там есть требования к раскрытию информации, к особому раскрытию информации, чем отличаются эти «зеленые» облигации от обыкновенных. Там есть требования к внешней оценке на соответствие каким-то стандартам, на соответствие методик. Первая «зеленая» методика рейтингового агентства – это Moody's. Мы можем пойти по этому пути и провести диалог с уже включенными в реестр кредитных рейтинговых агентств «Эксперт РА» и «АКРА». Там есть требования к сегрегации денежных потоков.

Это уже момент проектного финансирования, когда конкретный кредитор знает, что его средства, которые он проинвестировал, пойдут на конкретный проект, конкретное финансирование, не будут размыты на непонятные, непрозрачные цели. Фактически «гринвошинг»¹⁸, когда компании пытаются разместить примерно одинаковые выпуски облигаций, но обычная облигация с обычным названием размещается, к примеру, под 12%, а та же самая облигация при той же самой эмиссионной документации пытается разместиться – утрирую – на 4% меньше. Фактически, это подмена понятий.

Со своей стороны, если мы будем комплексно подходить к этой проблеме, то мы можем создавать инфраструктуру «зеленого» финансирования. Что это такое? Опять же мы можем всячески способствовать развитию тех площадок, где сходятся и инвесторы, и эмитенты. В мировой практике уже есть

¹⁸ от англ. green washing – форма экологического маркетинга, в которой обширно применяется «зелёный» пиар и методы, цель которых — ввести потребителя в заблуждение относительно целей организации или производителя в экологичности продукции или услуги, представить их в благоприятном свете. Он используется для поддержания имиджа экологически ориентированной компании, получения политической поддержки, увеличения продаж

прецеденты, когда создаются отдельные зеленые биржи. Это Люксембург. Есть отдельные сегменты зеленых бирж – это лондонская площадка, кенийская площадка. К примеру, если эмитент небольшой, разместиться сложно в текущих условиях, каким образом оформить заем? Здесь на помощь приходят краудфандинговые площадки с тремя сторонами: и акционерный краудфандинг¹⁹, и краудлендинг²⁰, и донейшнз²¹ в чистом виде. Инвесторы под любые проценты с любой вилкой – а там вилка от 0% до 30% – могут привлекать фондирование, что, в принципе, также возможно.

Можно пойти по пути отдельных фондов. Это также изучается. Банк России сейчас проводит экспертизу целесообразности обособленного регулирования «зеленого» финансирования. Пока ввиду того, что общемировых тенденций нет, мы, в принципе, находимся в более-менее выгодных условиях. Почему? Потому что можем оценивать постфактум эффективность принятых зарубежных практик. Соответственно, мы будем внедрять только то, что посчитаем необходимым.

Давайте рассмотрим вопросы, которые задавались в первую очередь регулятору.

Ломбардный список. Предлагали включать ценные бумаги в ломбардный список. У нас сейчас происходит уход от бенчмаркинга с ломбардным списком. Если ценная бумага является очень надежной, если у нее есть хороший рейтинг, что уже фактически у многих облигаций есть, если они действительно «зеленые», они могут пойти по рейтингу. Если не по рейтингу, а по раскрытию информации, по качеству ценной бумаги, то в ломбардном списке предусмотрена и такая опция.

Если посмотрим субъектный состав, то, поверьте, у нас сейчас есть большая потребность в инструментах с высокой дюрацией²². Если это будет концессионная облигация, если с прямой или имплицитной гарантией государства будет выпускаться эта облигация, если облигация будет надежной, ее возьмут на баланс НПФ²³. У нас сейчас 10 организаций выпускают концессионные облигации, и всего 26 выпусков этих концессионных облигаций. Их раскупают, на длительный срок, держат, как правило, до погашения.

То же самое со страховыми организациями.

¹⁹ от англ. crowdfunding - коллективное сотрудничество людей (доноров, вкладчиков), которые добровольно объединяют свои деньги или другие ресурсы вместе, как правило через Интернет, чтобы поддержать усилия других людей (владельцев, создателей стартап компании, проекта) или организаций (реципиентов)

²⁰ от англ. crowdlending - метод онлайн-кредитования физлицами других физлиц или компаний через специально созданные Интернет-ресурсы

²¹ от англ. donations – пожертвования, добровольные взносы

²² от англ. duration - дюрация, или средневзвешенный срок погашения

²³ НПФ - негосударственные пенсионные фонды

Есть отдельные вопросы по имплементации Базеля III, высоких нормативных требований и так далее. В принципе, на мировых площадках это тоже проблема. У нас из трех подходов к оценке рисков применяется только два: IRB²⁴ и простой стандартизированный подход. К сожалению, коэффициенты высокие для простого стандартизированного подхода, а IRB не является массовым явлением.

На площадке ООН принято решение с рынка написать письмо в Базель с просьбой выделить ввиду особого подхода к раскрытию информации о рисках данные «зеленые» ценные бумаги в отдельный сегмент регулирования и снизить определенные коэффициенты. Может быть, утопия, может быть, пройдет. Посмотрим. Мы в догоняющих здесь находимся.

Что касается банков, если будут соблюдены требования к гранулированности²⁵ кредитов, если будут соблюдены требования к простым стандартным параметрам – у нас сейчас разрабатываются подходы к секьюритизации, что также может быть использовано, а это уже особый подход базельских требований.

Что касается отдельных мер поддержки, мы сейчас готовы создать возможные комфортные условия для «зеленых» инвестиций, если будут приняты соответствующие решения, что мы выбираем «зеленый» путь для нашей экономики как приоритетный путь развития. В принципе, та инфраструктура, которая сейчас существует, не препятствует выпуску «зеленых» ценных бумаг. У нас проблема в том, что мы считаем «зелеными» ценными бумагами и вообще «зеленым» финансированием, даже в мире, «зеленый» банкинг. Если мы введем в Google «Что такое зеленый банкинг?», это большой range²⁶, начиная от использования бумаг конкретными банками, бумажных носителей, заканчивая их вовлеченностью в открытые сегменты «зеленого» кредитования, «зеленой» секьюритизации и тому подобное.

По поводу инструментов сейчас изучается вопрос сегрегации данного регулирования.

Что касается концепции, на данном слайде я написал примерные возможные варианты кросс-функционального взаимодействия. 100% должен быть использован проектный и кросс-функциональный подход. Все профильные министерства должны быть задействованы. И на базе какой-то единой площадки должна быть выработана стратегия. Это общемировой тренд. Причем изначально должна быть общая концепция. Возможно, в

²⁴ IRB – internal rating based model – модель, основанная на использовании внутренних рейтингов (англ.)

²⁵ гранулированность означает соответствие кредитного портфеля предпосылке, заложенной в методологии IRBAA (Базель II); если условие выполняется, портфель считается гранулированным, иными словами, это величина недооценки капитала по причине существования крупных кредитов в портфеле

²⁶ Здесь: большой разброс значений (англ.)

дальнейшем для приоритетных сфер регулирования будут разработаны какие-то отраслевые стратегии. То же самое для инструментов, то же самое для инфраструктуры.

Людмила Кабир: Полагаю, в ближайшее время нас ждет целый блок изменений в банковском законодательстве, который как раз поможет расчистить каналы проведения финансовых ресурсов в «зеленые» инвестиции?

Денис Григорьев: Мы изучаем данный вопрос.

Людмила Кабир: Для подведения итогов у нас представитель Правительства Российской Федерации Исмаилов Рашид Айдынович, о мерах поддержки, которые уже есть.

Рашид Исмаилов: Коллеги, я возглавляю правительственную группу экспертов в Экспертном совете при Правительстве. Возглавляю направление в Открытом правительстве по экологии. Вы начали сегодняшнюю встречу с упоминания о Госсовете. Одно из поручений президента в Госсовете сформулировано как предложение по разработке механизмов, инструментов по «зеленому» финансированию. Наша рабочая группа, в которую входит коллега Сергея Павловича, Парликов и Всеволод Валерианович входит в рабочую группу, Михаил нам помогает. Мы подготовили доклад президенту, где расписали и про «зеленые» финансы все, про инструменты стимулирования, меры расписали. Большой доклад. На сайте Правительства эта информация есть, доклад публичен.

Один из механизмов, которого мы сейчас коснулись вскользь – госзаказ. Экологоориентированный госзаказ – это так называемые «зеленые госзакупки». Это один из потенциалов, на который хотел обратить внимание. Речь идет не о 44-ФЗ²⁷, а о 223-ФЗ²⁸, где объем госзакупок огромный, все госкомпании торгуются. У нас в Правительстве эта работа велась. Мы с Минэкономразвития подготовили проекты директив, по которым всем компаниям с госучастием в обязательном порядке вменялось применять у себя такой подход при размещении заказов, чтобы какой-то процент на закупки либо товаров, либо услуг был экологоориентированным. Вопрос пока остался подвешенным из-за того, что пока в Минэкономразвития разрабатывают критерии оценки такого товара и таких услуг.

Еще раз хотел пригласить всех к нашей работе. То, что мы сделали доклад – это еще не значит, что эта работа закончилась. Мы обрисовали некоторые

²⁷ Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 №44-ФЗ

²⁸ Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 №223-ФЗ

развилки, постарались найти ответы. Эту работу продолжаем. Можете присоединиться к нашей работе в Экспертном совете при Правительстве.

Людмила Кабир: Подводим итоги. Получается достаточно интересная картина, которая складывается в области «зеленых» инвестиций. Мы уже видим, какие элементы пазла у нас получаются, и мы обязательно подведем итоги. Смотрите информацию на нашем сайте. И также предлагаю объединить усилия для дальнейшего движения в этом направлении. Работы очень много и в понятийном плане, и в методическом - разработке инструкций, и в реализации этого процесса.

Спасибо большое всем экспертам и участникам дискуссии. Спасибо большое всем присутствующим в зале. И приношу извинения за то, что мы выбились немножко из графика. Спасибо!